

«ОСНОВНОЕ – ПОСТИЖЕНИЕ ИСТИНЫ...»

Сергей Шабалин: - Инна, ты столько лет уже живешь в Америке со своей тонкой, поэтичной душой, остро реагирующей на фальшь и диссонансы окружающей среды. И поэтому мне хотелось бы, чтобы читатели услышали, а вернее, прочитали, твой монолог о взаимоотношениях среди американцев, об их жизненных ценностях и т.д.

Инна Богачинская: - Мне, прожившей в США уже 18 лет, до сих пор чужды бытующие здесь отношения между людьми. Их изначальная ориентированность на нечто отстраненное, всегда соблюдающее безопасную дистанцию, не затрагивающее глубинные волокна души, спонтанно возникающее и так же обрывающееся, освобождает от отягочающего сознание комплекса: “Ты в ответе за того, кого ты приручил...”

Это, как детская игра в скакалку: вбежал, сделал несколько прыжков на одной ноге и выбежал. Только, чтоб, упаси Боже, не было сложностей, которых они, американцы, панически боятся и от которых обычно спасаются бегством.

А я, в свою очередь, аналогично боюсь обобщений и определений. Поэтому результатами этим моих вчувствований, вживаний и вообще “ума холодных наблюдений” я отнюдь не выношу глобальный вердикт, а просто высказываю свое, возможно, чересчур субъективное, но тем не менее, нигде не списанное, не подслушанное и не прочитанное мнение.

Так вот, возвращаясь к американскому образу социальных и личностных отношений с жизнью... Есть здесь немало Душ, способных на высокие акты милосердия и самопожертвования. Вообще множественность всегда предрасполагает к полисемантике и к дифференциации различных видов, степеней и мотиваций.

Повторяю, мне лично претит слетающий из уст большинства американцев ничего не значащий и ничего не стоящий набор дежурных фраз, типа: “How are you?” Заведомо зная, что услышат в ответ скроенное по неизменяемым меркам, включая даже тональность голоса: “I am fine/OK”.

А эта запрограммированная на несколько ситуативных сцен смена мимической декорации! И всегда в нужный момент, как в так называемой “опере Спасения”, на авансцену выскакивает вечно здравствующая, как хамбургер в американском меню, отработанная улыбка.

И в результате вот какие получаются составляющие:

Вежливость - без проникновенности;

Услужливость - без обязательств;

Соучастие - без сопричастности;

Сочувствие - без сопереживания.

И этот ряд можно продолжать, сколько угодно. Главное для них - дозированность во всем. Возможно, это и есть один из китов выживания. Но какой ценой! Настолько искромсать, усреднить и измельчить параметры души и лишиться себя ослепительной остроты быть захваченным и унесенным половодьем "нечаянностей впопыхах"... Нет-нет, эта модель существования отнюдь не для меня!

Сергей Шабалин: - Но все-таки ты довольно неплохо удерживаешься на плаву уже более 18 лет! Что это - просто слаженная работа адаптационных и защитных механизмов, или все-таки где-то приходится себя перекраивать? А, может быть, ты обладаешь каким-то особым секретом?

Инна Богачинская: - Секрет ведь на то и секрет, чтоб не быть ему разглашенным и разделенным. Ну, а если серьезно, то существую я в созданном мной мире, в котором ценности определяются совершенно иными категориями. Мне абсолютно не интересны большинство общепризнанных постулатов и кодексов жизни. Для меня основное - постижение сути, Истины. Через себя, через свою связь со всем сущим и с моим высшим, абсолютным "Я". Меня настолько захватывает этот процесс, что все остальное кажется скучным до тошноты. По возможности стараюсь тратить минимальное количество молекул Времени на пустые, обкрадывающие меня общения. В мой мир проникают только по особым пропускам те, кто отмечен охотой к перемене повсеместно здравствующих канонов, кто вырвался из цепей всеобщей материализованности. В общем, те, с кем мы вибрируем на сравнительно близких частотах.

Надо сказать, что в этом смысле эмиграция способствовала моей личностной реформе. Она сделала самое главное - привела меня к себе. Это очень нелегкий, но, на мой взгляд, самый достойный путь. Ибо обычно мы ищем удовлетворения и самоутверждения во внешнем мире, тогда, как только истинный контакт с нашим внутренним миром может дать нам это. Я использую все возможные средства для собственного духовного роста, так как давно уже поняла, что для человека основная работа должна сводиться к работе над собой. Здешние условия жизни располагают к этому. Необходим только личный выбор и самодисциплина.

Сергей Шабалин: - Говоря об эмиграции, как ты рассматриваешь это явление? Каково отношение американцев к эмигрантам? Как чувствуют себя наши соотечественники "не в своей обуви"?

Инна Богачинская: - Я уже неоднократно представляла свою концепцию эмиграции во

многих интервью. На мой взгляд, феномен эмиграции имеет исключительно трагическую окраску. Человек, как известно, - порождение и жертва социума, который, с одной стороны, старается выжать из него все живое и максимально вогнать в углы своих систем и точек отсчета. А с другой - становится для человека своеобразным экзистальным "топливом", способствующим его выживанию. Тем не менее, социум - всегда враждебен личности, особенно если он состоит из кардинально новых, шокирующих личность характеристик. Поэтому человек, пересаженный в чуждую для него социальную среду и тем самым лишенный привычной легкости общения и других преимуществ коммуникации, оказывается в критически стрессовой ситуации.

Возможно, из меня всеми Ниагарскими водопадами хлещут мои утопические пристрастия. Но я считаю, что человек должен быть свободен в выборе и обеспечен настолько, чтобы он мог безболезненно менять места своего пребывания, при этом оставляя за собой право вернуться в единственное, родное для него место, которое он считает своим Домом.

Что касается отношения американцев к нам... Бытует здесь такое высказывание, что Нью-Йорк - это не Америка. Действительно, хоть и вся Америка - страна эмигрантов, но в Нью-Йорке это особенно ощутимо. Хочу сказать, что в массе своей отношение к нашим эмигрантам терпимое и понимающее. Но вот соотечественники наши сделали все для того, чтобы отношение это резко ухудшить. Дело в том, что, к несчастью, введенная в нас бацилла "гомо советикус" не только не уничтожилась под влиянием новых условий, но, похоже, разраслась в пандемию.

Взять, например, тех эмигрантов, кто "выбился в люди", т.е. заимел свой бизнес и стал крупным "финансистом, титаном" и т.д., но прежде всего, увы, - отменным эксплуататором своих же соотечественников. На предприятиях таких "выдвиженцев" свирепствуют симптомы болезни, которую я окрестила "синдромом сталинизма". Не дай Бог попасться в рабство к этим новоиспеченным капиталистам! Очень тяжело смотреть на то, как в их лопасти попадают приезжие сюда "на заработки" россияне.

Но зачастую им под стать и стаи неокрепших душ, одурманенных запахом "зеленых" и залетевших в Штаты в расчете "на легкую прибыль". О методах они, разумеется, заботятся мало. Особенно это характерно для заброшенного сюда десанта официанток/официантов для доблестного труда в ресторанах Брайтона и иже... Образованностью, интеллигентностью и наличием высоких нравственных принципов они, право, не грешат.

Все эти компоненты отнюдь не представляют очей очарованье...

Сергей Шабалин: - Да, я с тобой согласен. Мне все эти факты известны. И я к ним отношусь аналогичным образом. Как ты правильно заметила, это - бич нашего

времени, пандемия. Но давай вернемся к разговору о России. Ты ведь недавно, впервые за 18 лет, побывала в Одессе. И хотя ты родилась в Москве, в Одессе прошла большая часть твоей жизни, не так ли? Что же после столь длительного отсутствия тебя поразило там больше всего?

Инна Богачинская: - Я побывала в городе, где прошло мое детство и практически вся прошлая, доэмиграционная жизнь. По-моему, излишне комментировать, насколько эмоционально заряженным было для меня это событие.

Поразило то, как эти, не знающие лучшей жизни, отчаявшиеся от бесконечных перестроек и перегрузок люди тянулись к поэтическому слову. Но очень резануло то, о чем я была слышана еще в Америке. Это бытующая сейчас в России повальная американизация. Т.е. полное нивелирование собственного лица и слепое копирование (но, Боже, неужели не видно, как копия отличается от оригинала!) всего американского. Ведь Россия-то как раз всегда гипнотизировала мир именно своей уникальностью, непохожестью, неразгаданностью!

Да, возвращаясь к вопросу об Одессе. Там ведь расцветала моя журналистская юность. Естественно, что и в этот приезд я не вылезала из редакций газет, радио, ТВ, с журналистами которых меня столько связывает! Принимали меня и коллеги по перу, и друзья, и зрители так тепло, радушно и восторженно, что было очень тяжело расставаться. За время моего пребывания там и уже после моего отъезда появилось несколько публикаций и интервью, как в различных газетных изданиях (“Юг”, “Вечерняя Одесса”, “Вестник региона”, “Гласность” и т.д.), так и в теле и радио программах.

Но, увы, состояние этой блаженной безмятежности было уничтожено грянувшим через 3 дня после моего возвращения в Нью-Йорк громом: по дороге на работу был застрелен журналист Борис Деревянко (всего за несколько дней до этого мы попрощались и я сделала последние фотографии в его жизни), основавший и возглавлявший газету “Вечерняя Одесса” на протяжении всех этих лет, первый главный редактор в моей жизни. Его убийство вызвало взрыв негодования и протестов не только в Одессе и на Украине, но и в журналистских кругах Москвы и других стран СНГ. И вот, вместо радужных впечатлений, мне пришлось писать некролог...

Сергей Шабалин: - Да, к несчастью, этот трагический сценарий популярен сейчас в странах СНГ. Инна, хотелось бы немного коснуться главного дела твоей жизни - поэзии...

Инна Богачинская: - Поэзия для меня, действительно, - остров спасения. Как говорят американские медики: Life Support System (т.е. система, поддерживающая жизнь). Это

единственная сфера, где я совершенно свободна, и могу делать абсолютно все, что мне подсказывает мой внутренний гид. При всем уважении, любви и благодарности к моим читателям, я все-таки пишу не для них, а исключительно из-за рвущейся наружу потребности облечь в словесную форму все то, что бороздит пространства моей души и мозга.

Вообще во мне очень много всего замешано, порой чрезвычайно противоречивого. С одной стороны, я - язычница, с другой - рьяная приверженница одного единственного алтаря, а с третьей - все время открываю что-то, зажигаюсь и зачастую разочаровываюсь. Но если говорить об единственном алтаре, то он всегда был у меня населен несколькими основными образами: Маяковский, Цветаева, Пастернак, Вознесенский.

Как ты знаешь, у меня - три книги стихотворений и эссе: "СТИХИЯ", "Подтексты" и "В четвертом измерении". В настоящее время большинство сетей моего интеллектуального и духовного Интернета загружено программой подготовки четвертой книги, которая, скорее всего, будет называться "Перевод с космического". А вот, каким получится этот "перевод" ответит только... А, впрочем, возможно ли в этом мире вообще на что-то ответить?.. Кроме, разве что на вопросы этого интервью...

Интервью провел Сергей Шабалин,
«Лица»
г. Москва